

241.981 П
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. М. ПЕЭГЕЛ

**МОРФОЛОГИЯ ЯЗЫКА СТАРЫХ
ЭСТОНСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН**

АВТОРЕФЕРАТ

ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

299.782

ТАРТУ 1954

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ССРС
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. М. ПЕЭГЕЛ

МОРФОЛОГИЯ ЯЗЫКА СТАРЫХ ЭСТОНСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

АВТОРЕФЕРАТ

ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

8500:4301

ТАРТУ 1954

5

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

1954:2228

* * *

Значительную часть эстонского фольклора составляют т. н. старые народные песни.¹ В народных песнях нашли свое отображение надежды и чаяния трудового народа, его лучшие чувства и стремления, его неустанная борьба за свободную и счастливую жизнь. Народные песни, как и вообще фольклор, свидетельствуют о бессмертных творческих силах народа.

Не меньший интерес представляет и язык народных песен, а именно с двух точек зрения: во-первых, как основной элемент поэтической формы народных песен, во-вторых, как объект чисто-лингвистического исследования. Настоящая работа и является таким исследованием, посвященным рассмотрению языка старых эстонских народных песен с морфологической точки зрения.

Многие типы песен созданы сотни лет тому назад. Поэтому язык старых народных песен содержит целый ряд форм и слов, которые являются архаизмами, т. е. такими элементами, которые в современном эстонском языке исчезли или же в своём историческом развитии изменились. Таким образом, язык старых народных песен — ценный материал для исследования истории эстонского языка. Здесь уместно вспомнить слова Фр. Энгельса: «Но ведь «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, но это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы, и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки.»¹

---

¹ Старыми народными песнями (рунами) называют песни, в которых не применяется рифма, и стихи которых не группируются в строфы. В старых песнях широко применяется аллитерация и стихи объединяются в группы параллелизмов; в них используется определенный стихотворный размер (главным образом, четырёхстопный хорей или дактило-хорей).

¹ Анти-Дюринг, М.-Л., 1948, стр. 303.

Старая эстонская народная песня является в основном продуктом феодального строя. В ее языке отражаются существовавшие и углубившиеся в условиях феодализма черты обособленности диалектов (которые могут восходить и к более древним временам); наряду с ними, здесь встречается и ряд междиалектных общих черт и традиционных форм, характерных для известных центров песенной культуры.

Следовательно, определение территориальной распространенности общих и частных языковых явлений, наблюдающихся в народных песнях, и их сопоставление с аналогичными явлениями в пределах современных диалектов должны дать ценный дополнительный материал для изучения истории отношений между диалектными областями, т. е. между отдельными племенными группами.

Исходя из этих положений, автор настоящей диссертации поставил перед собой следующие задачи:

а) дать морфологический обзор языка народных песен, делая упор на те формы, которые существенно отличаются от форм современного литературного языка или от форм, встречающихся в современных диалектах; обратить особое внимание на архаические формы и выяснить причину сохранения ранних языковых форм в народных песнях;

б) на основании сопоставления отдельных форм с соответствующими формами современных диалектов сделать выводы о раннем территориальном распространении этих форм и тем самым дать добавочный материал для установления более ранних границ отдельных диалектных областей и их отношений между собой;

в) выяснить границы распространения тех форм, которые употребляются главным образом в языке народных песен, определить диалектную основу происхождения таких форм и сделать соответствующие выводы;

г) показать, какие морфологические формы являются характерными только для известных центров песенной культуры, и определить, как далеко распространялось влияние таких центров; при наличии общих черт определить взаимоотношения между этими центрами;

д) поскольку архаические формы встречаются в различных диалектных областях неравномерно, установить на основании этого относительный возраст отдельных центров народной песенной культуры.

Так как в диссертации исследуется лишь морфология языка народных песен, то вполне понятно, что по некоторым частным

проблемам не было возможности дать те или иные решения, а пришлось ограничиться лишь указанием самих проблем. Насколько позволял материал, была произведена переоценка более ранних теоретических положений по вопросам языка народных песен.

Работа состоит из четырёх основных разделов. После предисловия дан обзор имеющихся исследований о языке эстонских народных песен, затем рассматривается морфология имени. Третий раздел посвящен морфологии глагола. В заключительном разделе приведены выводы и обобщения в соответствии с вышеуказанными задачами работы. В виде приложения дано 25 карт географического распространения отдельных морфологических явлений в народных песнях.

Материалом для диссертации послужили главным образом богатые рукописные фонды народных песен Литературного музея имени Фр. Крейцвальда Академии Наук Эстонской ССР. Автор проработал также все ранее опубликованные в печати собрания народных песен.

I

На своеобразии языка эстонских народных песен впервые было обращено внимание лишь в конце XVIII и в начале XIX веков. Однако первые авторы ещё не могли удовлетворительно объяснить специфику этого языка. Так А. В. Хупель (1737—1819) объясняет в своей грамматике (1780, 1818) архаические формы, встречающиеся в народных песнях, как выражения «поэтической вольности». Фр. Фельман (1798—1850) и Фр. Р. Крейцвальд (1803—1882) уже обращают внимание на то, что народные песни дают исследователям ценный материал и по истории эстонского языка. Но в отдельных частных вопросах Крейцвальд часто ошибается, как это видно из его комментариев к народным песням, из его переписки, а также судя по языку эпоса «Калевипоэг». Исследование языка народных песен мало двинул вперед и Э. Аренс (1803—1863), который касается этого вопроса в своей грамматике (1853). Не отрицая существования архаизмов в языке народных песен, и он считает причиной возникновения многих форм «поэтическую вольность». При этом критерием для Аренса является финский язык, формы которого он безоговорочно признаёт единственно правильными и наиболее древними. Многочисленные ошибки Аренса объясняются его неправильными исходными положениями.

В 1850 году вышел в свет первый, составленный А. Х. Неусом, обширный сборник народных песен, в предисловии к которому автор останавливается и на вопросах их языка. Тесная связь с Крейцвальдом, некоторое знание финского языка, а главным образом то обстоятельство, что в руках у Неуса сосредотчился большой по тому времени материал, были причиной тому, что он стал предшественником представителей нового взгляда в объяснении языковых традиций народных песен. Эта новая точка зрения высказана им в предисловии к названному сборнику. Здесь Неус отвергает ранее распространенный взгляд, согласно которому своеобразие морфологических форм языка народных песен является выражением «поэтической вольности» певцов. Основываясь на финском языке, он доказывает, что эти формы в своей существенной части являются архаизмами, вследствие чего язык народных песен следует считать «древне-эстонским» языком. Начиная с этого времени, вопрос о значении народных песен для исследования истории языка в основном поставлен правильно. Принципиально на той же позиции стоял и известный лингвист Ф. И. Видеман (1805—1890).

Самым продуктивным исследователем эстонских народных песен был Михкель Веске (1843—1890), один из основателей сравнительно-исторической школы финно-угорского языкознания. Он неоднократно подчёркивал значение народных песен для изучения истории языка. В восьмидесятых годах прошлого столетия он написал ряд статей («Эстонские народные песни о роженице с объяснительными примечаниями», «Пассив потенциала в эстонских народных песнях», «К объяснению некоторых глагольных форм в эстонских народных песнях»), где правильно объяснял многие архаические формы. Деятельность М. Веске заслуживает высокой оценки, так как, лишь начиная с его исследований, мы можем говорить о научном подходе — на основе сравнительно-исторического метода — к эстонским народным песням. Большинство результатов его работ может быть использовано и в настоящее время. В меньшей степени и, главным образом, язык южно-эстонских народных песен исследовал также известный эстонский фольклорист Якоб Хурт (1839—1907). Смерть исследователя помешала ему закончить обширную работу по изучению языка народных песен более ограниченного района (бывшего прихода Колга-Яни).

В буржуазной Эстонии не наблюдалось интереса к изучению языка народных песен. Единственным выдающимся исследо-

дователем в этой области был в этот период лектор эстонского языка в университете Хельсинки В. Грюнталь-Ридала (1885—1943), который смог внести новое в изучение языка эстонских народных песен. Стоит особенно остановиться на его статьях «О языке эстонской народной поэзии» (1931) и «Об образных синонимах в эстонской народной поэзии» (1933). По мнению Ридала, многие более или менее общеэстонские архаические формы (напр. инфинитив с окончанием *-maie*, иллатив на *-je*, потенциал и т. д.) являются заимствованиями из диалекта северо-восточной Эстонии, которую следует считать наиболее древним центром распространения народных песен.

Следовательно, при объяснении особенностей и традиций языка народных песен были выдвинуты в основном три точки зрения:

- 1) их объясняли как явление, обусловленное «поэтической вольностью»;
- 2) в них видели старые формы языка, так называемый «древне-эстонский» язык;
- 3) их считали заимствованиями из диалекта северо-восточной Эстонии.

Первый взгляд был обусловлен исторической ограниченностью его представителей (малое количество сборников народных песен, недостаточное знание эстонского языка, отсутствие сравнительно-исторического метода), и единственной заслугой сторонников этого взгляда можно считать то, что они первыми обратили внимание на особенности языка народных песен. Язык народных песен несомненно давал некоторое основание видеть в нём «древне-эстонский» язык, так как ряд форм (партитив, иллатив на *-je*, отсутствие апокопы и синкопы и т. д.) являются общими для народных песен всех диалектов. Но при переоценке двух последних точек зрения нужно принять во внимание своеобразие языка сложившихся центров песенной культуры и их влияние на соседние области, а также то обстоятельство, что многие языковые формы употребляются лишь в некоторых типах народных песен. Данные об отношении центров распространения народных песен между собой приводятся в заключительной части диссертации.

II

Во второй главе рассматривается морфология имени, главным образом имени существительного. Глава разделяется на

четыре части (число, падежи, степени сравнения, притяжательные суффиксы).

В первой части рассматриваются формы множественного числа в языке народных песен. Особого внимания заслуживает здесь своеобразное развитие форм множественного числа в западных диалектах, на что ранние исследователи языка народных песен не обращали внимания. А именно в песнях этой диалектной области встречаются, начиная с генитива, своеобразные контаминированные формы множественного числа (*teibude, luidest*, в литературном языке — *teivaste, luudest*). В песнях бывших приходов Муху и Пэйде в большинстве случаев наблюдается двойное множественное число на *i* (или *u*) и на *si* (*sõrmisile, kannusile*, в литературном языке — *sõrmedele, kannudele*). Падежной основой здесь служит партитив. В местных говорах такие формы неизвестны. Особые черты в развитии множественного числа имеются и в песнях на диалекте северного побережья. Язык народных песен доказывает, что так называемое множественное число на *i* было раньше распространено значительно шире, причём соответствующая основа могла встречаться во всей парадигме множественного числа. Формами множественного числа беднее всего центральный диалект северной Эстонии.

Больше всего внимания уделено в работе морфологическому исследованию отдельных падежей, причём, главным образом при анализе форм номинатива и генитива, рассмотрены также явления, относящиеся к исторической фонетике, особенно в части консонантизма.

В отношении партитива и элатива нужно отметить тот факт, что форм, оканчивающихся на гласный (*jalgada, metsasta*), в южно-эстонских песнях заметно меньше. Нужно полагать, что в этой диалектной области апокопа произошла раньше.

Особенно бросаются в глаза архаичностью и своеобразием фонетических черт партитива песни диалекта побережья и юго-восточной Эстонии. В работе зафиксирован также целый ряд отклонений от диалектных форм этого падежа в песнях западной Эстонии.

В народных песнях иллатив характеризуется окончанием *-je* (в литературном языке *-sse*), которое очень широко распространено. Прототип этого окончания нужно искать в северной Эстонии. В южно-эстонские песни эта форма проникла вместе с песнями из северной Эстонии. Очень существен тот факт, что в народных песнях инессив с окончанием *n* распространен на более широкой территории, чем в современных диалектах. Сме-

шение окончаний иллатива и инессива, а также аллатива и адессива (-sse ~ ssa; -lle ~ lla) характерен для северо-эстонского центрального диалекта. Этот факт даёт основание предполагать, что явление апокопы в северной Эстонии начало развиваться именно на территории центрального диалекта.

В песнях, происходящих с островов, окончания падежей, обозначающих внутреннее и внешнее местонахождение, образуют цельную систему, которая характеризуется отсутствием геминации согласного в окончании падежа (встречаются окончания -se, -sa и -le, -la, но не -sse, -ssa, -lle, -lla). Обращено также внимание на специальную инструментальную функцию инессива в южно-эстонских песнях, что дает возможность провести параллель с мордовским языком. Ту же функцию в языке народных песен особенно часто выполняет адессив.

При исследовании транслатива были подвергнуты рассмотрению различные окончания этого падежа (-ksa, -kse, -ksi, -sse, -sta). Основываясь на данных языка народных песен, можно сказать, что южно-эстонские формы транслатива произошли из более ранней формы с окончанием -ksa. Восточно-эстонское окончание -st(a) (*suurest mehest*, в литературном языке — *suureks meheks*) происходит из северо-восточной Эстонии и распространилось позднее на юг, вплоть до говора сету (юго-восточная Эстония).

Рассматривая формы эссива, автор старался разрешить вопрос о том, когда в южно-эстонских диалектах мы имеем дело с инессивом, и когда с эссивом (окончания обоих падежей в этом диалекте совпадают). В говоре сету при установлении инессивных форм следует считаться также с влиянием русского языка (ср. «был в солдатах» — *ol' soldatih*). Параллельно с этим встречаются, без всякого сомнения, и оригинальные формы эссива, которые позднее могли смешаться с формой инессива.

Старый комитатив с окончанием -ne, к которому присоединяется притяжательный суффикс, сохранился лишь в песнях на диалекте побережья (*poiginesa*, финское *poikinensa ~ poiki-neen*), и лишь в виде исключения в песнях юго-восточной Эстонии. В народных песнях сохранились формы, где комитатив образуется ещё из двух отдельных слов (генитив + слово *kaasa*, напр. *õnne kaasa*, в современном литературном языке *õnnega*), т. е. где современное окончание падежа фигурирует в виде отдельного слова. Эти формы соответствуют формам эстонского литературного языка XVI и XVII столетий.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в народных

песнях инструктив встречается более часто, чем в современном литературном языке и в диалектах. В южно-эстонском диалекте в этом падеже произошла редупликация окончания падежа, как и в языке ливов. В южно-восточных эстонских песнях эксцессив встречается не только в наречиях, но и как падеж, хотя его функция уже стала неясной. Как известно, этот падеж и в настоящее время существует в ижорском и в водском языках.

В следующей части работы рассматриваются степени сравнения. Здесь заслуживают особого внимания формы сравнительной степени с окончанием *-im* в сааремаских песнях, совпадающие с превосходной степенью литературного языка, т. е. формы, которых в диалектах мы не находим.

Современный эстонский язык уже не знает притяжательных суффиксов, если не считать отдельных адвербиальных форм. В языке народных песен эти суффиксы еще встречаются, но уже как вымирающая форма, так как отдельные лица не различаются. Наиболее часто притяжательные суффиксы употребляются в песнях на диалекте побережья, а также в песнях о Муху и сету. В других песнях они носят случайный характер. Неравномерное распространение притяжательных суффиксов в песнях отдельных диалектных областей может быть одним из критериев для определения относительного возраста песенной культуры данных территорий.

III

Третья глава посвящена анализу форм глагола. Рассматриваются инфинитивы, причастия, наклонения, залого и некоторые вопросы спряжения, причём в первую очередь анализируются те формы, которые существенно отличаются от форм современного литературного языка или от форм диалектов.

Для народных песен особенно характерен инфинитив с окончанием на *-maie* (напр. *andemaie*, *laulemaie*, в современном языке *andma*, *laulma*). На основании анализа большого фактического материала мы могли установить, что окончание *-maie* присоединяется, главным образом, к двусложным глагольным основам, где первый слог в большинстве случаев долгий. Эту форму нужно считать происходящей из северо-восточной Эстонии, но она проникла далеко в южный диалект. Это является одним из примеров широкого и длительного влияния песенной культуры северо-восточной Эстонии на песенную культуру других областей. Из падежей этого инфинитива сле-

дует выделить аллатив (*andemalle*), которого нет в литературном языке.

В песнях диалекта северного побережья, в песнях вырусского и островного говоров к инессиву (деепричастию) инфинитива на *-da* часто присоединяется притяжательный суффикс (*minesani, tullesani*). Характерно также отсутствие стяжения во втором слоге (*kandeessa*), общим является инессив без апокопы. Для народных песен говора Харгла характерна редупликация окончания инессива в этой форме (*astunenne, kandanenne*). Особо следует отметить инструктив (*jookste, käide*) и адессив (*magadella, oihkil*) инфинитива на *-da* в песнях некоторых говоров. В песнях диалекта побережья и говора Кодавере сохранилась более длинная (транслативная) форма инфинитива на *-da* (*süüa + kse + ni*).

Причастие с окончанием *-nud* употребляется в песнях так же, как и в диалектах. В песнях диалекта побережья в падежах причастия на *-nud* имеется общая основа *-ne*, как и в финском языке (напр. транслатив *mennesta, kasvanesta*). В песнях южного диалекта обращают на себя внимание особые формы транслатива, где более ранний зубной (или велярно-палатальный) спирант замещен полугласным *v* (*saanuvasse, jäänuvasse*). Аналогичные формы встречаются и у причастий на *-tud* (*looduvalle, antuvas*). В диалектах такие формы неизвестны. В песнях диалекта побережья встречается партитив причастия, к которому присоединяется притяжательный суффикс (*tehtuda + sa, nähtuda + sa*), что может быть также заимствованием из ижорского или финского языка.

Из наклонений более подробно рассмотрен потенциал (признак *-ne*), который в современном литературном языке уже не существует, но еще встречается в народных песнях. В личном залоге потенциал встречается в сравнительно редких словах, в области личных окончаний он также сравнительно ограничен. Распространение потенциала в диалекте северной Эстонии ограничивается северо-восточной частью, реже встречается эта форма в других местах. Значительно чаще употребляется потенциал вместе с суффиксом третьего лица единственного числа настоящего времени, образуя окончание *-nekse* (*tõuse- nekse, murdunekse*). При этом окончание *-nekse* присоединяется, главным образом, к двусложным глагольным основам третьей степени долготы. Такие формы стали неотъемлемым элементом языка эстонских народных песен, причём значение потенциала, как такового, уже стёрлось. Часто окончание *-nekse* присоеди-

няется к основе пассива, образуя, таким образом, своеобразные безличные формы (*tehtanekse, antanekse*).

Автор рассматривает также и запретительное наклонение (отрицательный императив), особенно останавливаясь на своеобразных формах, встречающихся в юго-западном и островном диалектах. Особого внимания в песнях западной области южного диалекта заслуживает форма второго лица единственного числа запретительного наклонения с элементом *k* (*ära tetäk, pannak*), которая в местном диалекте не встречается и ранее исследователями не отмечалась.

Из залогов рассматривается имперсонал, причём особое внимание обращено на личные формы имперсонала (пассива) в южно-эстонских песнях (*ma hukata, sa hukatat, ta hukatas*). Более подробно анализируется связь окончания имперсонала прошедшего времени с прошедшим временем личного залога, особенно в южно-эстонских диалектах, где в обеих формах возможно окончание *-je*, которое развилось из более раннего суффикса *hen ~ zen*. Подвергнуты анализу также и своеобразные безличные формы пассива (*tehtanne, tehtaneie*), встречающиеся в песнях диалекта побережья. Здесь можно провести параллель с языком ижорских народных песен, а также с языком «Калевалы».

Затем автор останавливается на форме третьего лица единственного числа с окончанием *-kse* и той же форме без окончания в песнях северной Эстонии.

Из анализа выясняется, что первая форма характерна для некоторых глаголов непереходного и возвратного значения. В песнях островного диалекта встречается параллельно в том же значении своеобразный отглагольный суффикс (*ta ütelikku*), на который ранее в исследованиях не обращалось внимания. Употребление формы третьего лица единственного числа без окончания, как по глагольным типам, так и по географическому распространению в песнях северной Эстонии, сравнительно ограничено, причём здесь можно провести параллель с соответствующими южно-эстонскими формами. Повидимому, на возникновение этой формы оказала влияние аналогия между окончанием *-kse* и потенциалом, где обычное окончание третьего лица (вернее, признак настоящего времени) *b* отсутствует.

На протяжении всей работы используется сравнительный материал ближайших родственных языков, причём особое внимание уделяется текстам ижорских и водских народных песен. Все изучаемые явления, как и при морфологическом анализе имени, сопоставляются с данными местных диалектов,

IV

На основании подвергнутого анализу материала был сделан ряд выводов и обобщений, которые помещены в последней, заключительной части работы.

Прежде всего стало возможным дать общую характеристику языка народных песен. Морфология языка народных песен характеризуется в первую очередь своей диалектностью, а затем архаизмами, которые сохранились до нашего времени, благодаря стихотворному размеру песен. К таким архаическим чертам относятся падежи с окончанием на гласный (партитив, адессив, аблатив, транслатив), где в настоящее время гласный окончания исчез, затем частое употребление прошедшего времени и множественного числа с признаком *i*, иллатив на *-je*, сохранение потенциала и притяжательных суффиксов и т. д. Эти черты распространены по отдельным диалектным областям в различной мере, и поэтому мы можем говорить о языке народных песен, как о всеобщем «древне-эстонском» языке, лишь очень условно.

Заслуживает внимания характерное употребление архаических морфологических форм. Это, прежде всего, выражается в том, что ряд самых характерных и распространенных форм образует четырехсложные (в большинстве случаев с долгим первым слогом) слова (*laulemaie*, *puutunekse*, *annetie* и т. д.), которые обыкновенно находятся в конце стиха. Нужно полагать, что такие словообразования были предпочтительны с точки зрения дактилохорейческого размера стиха эстонских народных песен. Интересно также проследить распространение по отдельным диалектным областям характерных для народных песен морфологических явлений более общего порядка.

Поскольку в южно-эстонских песнях встречается меньше морфологических форм с окончанием на гласный, то следует предположить, что апокопа в этом диалекте произошла раньше, чем в диалекте северной Эстонии. Такие формы, как инфинитив с окончанием *-maie* и иллатив с окончанием *-je* нужно считать северно-эстонскими формами. То, что эти формы проникли в южно-эстонские песни, свидетельствует о широком распространении северно-эстонской (особенно северо-восточной) песенной культуры в южном направлении.

Существенное значение имеют те формы в языке народных песен, которые встречаются вне границ данного диалекта, например, северно-эстонские формы в южно-эстонских песнях

и наоборот. Такие формы доказывают, например, проникновение северно-эстонских песен на юг. С другой же стороны, граница южного диалекта проходила в древности значительно севернее реки Эмайыги (которая в настоящее время является границей двух главных диалектов), а на западе доходила до Рижского залива, что доказывается наличием южно-эстонских черт (например, инессива с окончанием *n*) в песнях соответствующих территорий. Это указывает на то, что особенно тесные связи существовали между северо-восточной и юго-восточной частью Эстонии.

Учитывая языковое своеобразие отдельных центров распространения народных песен, самым древним центром следует считать область диалекта побережья, так как здесь сохранилась диалектная основа целого ряда архаических форм. Эта область имела тесные связи с областью ижорцев и води и оказывала большое влияние на соседние диалектные области. Древними центрами нужно считать также юго-восточную Эстонию и о. Саарема (особенно бывшие приходы Пэйде и Муху); повидимому, более позднего происхождения южно-западный центр (т. н. Мульгима, в частности бывшие приходы Каркси и Халлисте). Свообразные черты имеются в песнях юго-западной части бывшего уезда Вырума (приход Харгла).

Проработанный материал дает нам возможность сделать некоторые выводы относительно связей этих центров между собой, т. е. относительно древних культурных связей живших здесь эстонских племен. Прежде всего следует предполагать древние связи между диалектной областью морского побережья и юго-восточной Эстонией по западному берегу Чудского озера, как на это указывают многочисленные данные языка народных песен. Вероятно, по этому же пути шёл и обмен песнями с областями ижорцев и води, что подтверждается наличием в лексике ижорских песен большого количества заимствований из юго-восточной Эстонии. Несомненно существовали старые связи между песенным центром морского побережья и центром на островах, где имеются и общие черты в диалектах. В песнях островного центра имеется ряд общих лексикальных черт с песнями диалекта побережья, а также с южно-эстонскими песнями. Под влиянием островного центра находились западные части бывших уездов Ляэнема и Пярнума. Юго-западный центр (Мульги), находившийся под долговременным влиянием северной Эстонии, в свою очередь оказывал влияние на южную часть бывшего уезда Пярнума, входившую когда-то в состав Сакала (древне-эстонский уезд

в XIII в.). В песнях этого центра не так богато представлены архаическая лексика и морфологические архаизмы.

Наконец, следует отметить еще одно обстоятельство, на которое неоднократно указывается в диссертации. Это тот факт, что чуждые для данного диалекта формы часто встречаются лишь в песнях определенного типа, или же лишь в определенных стихах. Можно считать доказанным, что песня, происходящая из другой диалектной области, нередко приносит с собой свойственные исходному диалекту формы, которые могут противостоять ассимилирующему действию местного диалекта. В языке народных песен существуют, следовательно, основные противоречия двух родов. Это, во-первых, противоречие между архаизмами и современным языком и, во-вторых, противоречие между языковыми формами чужого и местного диалектов. Архаизмы защищались от проникновения более новых форм, главным образом, стихотворным размером, что же касается чуждых для данного диалекта морфологических форм, то в большинстве случаев они были лишены такой защиты, и их поэтому сохранилось значительно меньше. Эти формы могут быть одним из критериев для установления миграций песен из одной диалектной области в другую.

Таковы наиболее существенные обобщения, которые мы можем сделать на основании анализа морфологии языка народных песен. Исследование языка народных песен даёт нам материалы, которые помогают осветить, по крайней мере, до известной степени и лишь в части эстонского языка, общий процесс развития «...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным.»¹ В связи с этим необходима дальнейшая работа эстонских советских языковедов и фольклористов в этом направлении, чтобы дополнить новыми данными настоящее исследование, которое является первой диссертационной работой в вышеуказанной области и поэтому не может претендовать на всестороннее освещение относящихся к ней проблем.

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1950, стр. 25.

Бесплатно

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00422725 4